

ЦИКЛЫ ЕГИПЕТСКОЙ ИСТОРИИ И ТРИ ТОМОСА ТРУДА МАНЕФОНА СЕВЕННИТСКОГО (II)

И. А. Ладынин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ladynin@mail.ru

Аннотация. В статье интерпретируется концепция труда египетского жреца Манефона Севеннитского (первая половина III в. до н.э.) об истории своей страны, предопределившая его деление на три части (*томоса*). Представляется, что для Манефона история Египта распадалась на соответствующие этим частям его труда три цикла (его I–XI, XII–XIX, XX–XXX династии). Каждый из них включал в себя этап процветания и стабильности в стране и завершался катастрофой, за которой следовало восстановление нормы усилиями последнего царя данного цикла. Сыном последнего оказывался первый царь следующего исторического цикла, принимавший на себя функции устроителя общества и государства после катастрофы.

Ключевые слова: Египет, эллинизм, Манефон Севеннитский, историография, исторические циклы, схемы, династии, цари, гиксосы, «народы моря», Позднее время

THE CYCLES OF EGYPTIAN HISTORY AND THE THREE *TOMOI* OF MANETHO'S *AEGYPTIACA* (II)

Ivan A. Ladynin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
ladynin@mail.ru

Acknowledgements: Russian Foundation for Humanities (15-01-00431)

Abstract. The aim of the paper is to propose an interpretation of the concept backing Manetho's treatise on Egyptian history and, respectively, its division in three parts (*tomoi*). It seems that for Manetho the history of Egypt fell into three cycles corresponding to these parts of his work (his Dynasties I–XI, XII–XIX, XX–XXX). Each of them comprised an epoch of prosperity and stability in the country and ended with a catastrophe, which was followed by restoration of norm in the country by the last king of this cycle. Then followed a new historical cycle inaugurated by a king who founded the Egyptian society and state anew and was the son of the last king of the previous cycle.

Keywords: Egypt, Hellenism, Manetho of Sebennytyos, historiography, historical cycles, schemes, dynasties, kings, Hyksos, Sea Peoples, Late Period

Данные об авторе. Ладынин Иван Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Статья публикуется в рамках проекта РГНФ № 15-01-00431 «Эпоха эллинизма и ее прaviteli в зеркале традиционных мировоззрений народов Ближнего Востока (на примере Египта и Месопотамии)».

Переходя во второй части нашей работы¹ непосредственно к разговору о концепции труда Манефона, отметим, что деление им египетской истории на крупные периоды заложено в самой структуре его произведения, состоящего, как видно по членению его царского списка в передаче христианских хронографов, из трех так называемых «томосов» (термин τόμος для обозначения этих составных частей труда Манефона систематически употребляется цитирующими его христианскими хронографами)². В свете того, что мы уже сказали в первой части статьи, очевиднее всего принцип выделения Манефоном его первого томоса. Начинается он по достаточно полной аналогии с Туринским папирусом с династий богов и мифологических существ («полубогов», или «героев», и/или «усопших»; Manetho. Frg. 1.4: ...dominatio, quam narrant Aegyptii, deorum, heroum et manium...; frg. 2.1: τῶν λεγομένων παρ' αὐτοῖς θεῶν καὶ ἡμιθεῶν καὶ νεκύων καὶ θνητῶν ἑτέρων βασιλέων; frg. 4: Primum deorum qui ab ipsis scribuntur faciam regna sic... post hec Ecyriorum reges interpretauit, Imitheus vocans et ipsos...; в целом – frgg. 1–5)³, за которыми следует Менес, открывающий I династию (Frgg. 6.1, 7a.1, 7b). О царе IV династии Суфисе (Σοῦφίς), соответствующем историческому Хуфу, Манефон сообщает, что этот царь «возымел презрение к богам», но затем раскаялся в этом и написал некую «Священную книгу», которую египтяне исключительно ценят⁴. Данное сообщение примечательно корреляцией между содержащейся в нем негативной оценкой этого царя и сведениями Геродота и, очевидно, сказок папируса Весткар (см. об этом в первой части нашей статьи). Что касается пресловутой «Священной книги», то, при всей неопределенности свидетельства о ее написании Суфисом, хочется поставить его в один ряд с отмеченным теми же сказками папируса Весткар интересом Хуфу к тайному знанию и магическим практикам (в частности, с его поиском «числа тайных покоев Тота»; pWestcar. VII. 6, 7; IX. 2–3: *tnw ipwt nt wnt nt Dḥwty*), которые он планировал каким-то образом применить при сооружении своей гробницы. Тем самым высокомерие по отношению к богам совмещается в образе Суфиса с неким качеством «царя-эзотерика»; его мы обнаружим в труде Манефона, по крайней мере, еще один раз в характеристике царя, правившего на ключевом этапе египетской истории – Аменофиса, героя

¹ См. Ladynin 2015c.

² Как замечает Ю. фон Бекерат, нумерация династий Манефона, а также добавление к ним XXXI, в которую были включены последние персидские цари, владевшие Египтом, может восходить к создателям эпитомы его труда, которую передают христианские хронографы; однако деление последовательности царей на династии с указанием происхождения каждой из них (что находит аналогию в списке Туринского папируса), безусловно, адекватно воспроизводит труд Манефона (Beckerath 1997, 35). В таком случае нет оснований сомневаться, что к Манефону восходит и разделение истории Египта на объединяющие династии более крупные периоды, которым соответствуют томосы его труда, — как мы стараемся показать, не механическое, а основанное на определенной концепции.

³ Redford 1986, 11, n. 42.

⁴ Переданное Синкеллом указание Африкана, что он и сам приобрел «Священную книгу» при своем посещении Египта (Frg. 14.2: οὗτος δὲ καὶ ὑπερόπτης εἰς θεοὺς ἐγένετο καὶ τὴν ἱερὰν συνέγραψε βιβλόν, ἣν ὡς μέγα χρῆμα ἐν Αἰγύπτῳ γενόμενος ἐκτησάμην), могло бы навести на мысль, что сообщение о ней идет от него; однако «Священная книга» упоминается и независимо у Евсевия в передаче Синкелла (Frg. 15: ὃς καὶ ὑπερόπτης εἰς θεοὺς γέγονεν, ὡς μετανοήσαντα αὐτὸν τὴν ἱερὰν συνγράφαι βιβλόν, ἣν ὡς μέγα χρῆμα Αἰγύπτιοι περιέπουσι) и в армянской версии (Frg. 16: qui in deos ipsos superbiebat; tum facti poenitens sacrum librum conscribebat, quem Aegyptii instar magni thesauri habere se putant).

рассказа о повторном втором завоевании Египта гиксосами в союзе с египетскими прокаженными (см. ниже). В таком случае весьма вероятно, что Манефон согласен с остальной египетской традицией в оценке царствования Хуфу как своего рода «точки надлома» в движении первого цикла египетской истории, после которого его бедственный исход был предопределен.

В последних фрагментах первого томоса Манефона речь идет о 43 годах правления XI фиванской династии и 16 годах правления Амменемеса (Frgg. 31, 32a: Ἀμμενέμης; frg. 32b: Ammenemes), названного ее преемником, но не включенного ни в нее, ни в следующую XII династию (хотя ее основатель Сесонхосис и называется его сыном: frgg. 34–36; см. ниже). Соответствие Амменемеса историческому Аменемхету I и Амени «Пророчества Неферти» очевидно; но при этом интересно его помещение вне какой-то определенной египетской династии. Коль скоро, по всем соображениям династической и исторической логики, его следовало бы причислить вместе с его сыном к XII династии (как делают современные египтологи), то место его царствования в труде Манефона определяется, очевидно, стремлением отнести его непременно к первому томосу, хотя бы и вне династической последовательности.

Объяснить это стремление можно лишь исходя из того, что для Манефона царствование Амменемеса было не началом второго цикла египетской истории, а именно завершением первого, соответствующего первому томосу: естественно связать это с тем, что в представлениях египтян, вполне отвечающих реалиям их истории, XI династия, даже объединив под своей властью страну, еще не завершила бедственный I Переходный период, а окончательное прекращение его неурядиц пришлось именно на царствование Аменемхета I, положившего конец короткому внутреннему кризису конца XI династии⁵. При этом характер сообщений Манефона о египетских династиях с VII по XI (удержанное версией Африкана резкое указание, что VII династия «состояла из семи царей-мемфисцев, правивших 70 дней»⁶; крайняя скупость этих сообщений и отсутствие в них полных царских списков, что, учитывая их полноту в иных случаях, скорее всего, связано не с пропусками эпитоматоров, а с умолчанием оригинального текста: frgg. 23–32; негативная характеристика основателя IX гераклеопольской династии Ахтоя как жестокого правителя, обрушившего на Египет несчастья, в конце концов обезумевшего и убитого крокодилом: frgg. 27–28a–b⁷) показывает, что их время было в восприятии Манефона сплошной чередой бедствий.

Понятно, что подобная картина отражает тотальное крушение *маат* в конце III тыс. до н.э. в соответствии с представлением, зафиксированным «Пророчеством Неферти» и «Речением Ипувера» и памятным, как мы уже говорили, вплоть до эллинистического времени. В таком случае, правление Амменемеса – и, исходя из сообщения «Пророчества Неферти» об Амени, восстановление при нем *маат* – завершает для Манефона первый цикл египетской истории. При этом в передаче той части его труда, которая относится к V и VI династиям, можно заметить любопытную манипуляцию: если в изводе Африкана перечни царей этих домов даются

⁵ Demidchik 2005, 48; 2007, 15–17.

⁶ Frg. 23: Ἐβδόμη δυναστεία Μεμφιτῶν βασιλέων ο', οἱ ἐβασίλευσαν ἡμέρας ο'; в передаче Евсевия, где речь идет о пяти царях, правивших семьдесят пять дней, первоначальный фольклорный характер этого сообщения отчасти утрачивается (Frg. 24a: Ἐβδόμη δυναστεία Μεμφιτῶν βασιλέων πέντε, οἱ ἐβασίλευσαν ἡμέρας οε'; frg. 24b: Septima dynastia Memphitarum regum V, qui annis LXXV dominate sunt).

⁷ Demidchik 2005, 33; Vernus 1991.

в соответствии с исторической реальностью (Manetho. Frgg. 18, 20), то в изводе Евсевия V династия оказывается полностью «перекрыта» реминисценциями исторической VI. Только ее представители и названы Евсевием по именам в качестве царей V династии: это Отоес, якобы первый из них, которого убили собственные телохранители, — исторический Тети — и Фиопс, вступивший на престол в шесть лет и правивший до ста, — исторический Пепи II (frgg. 19a-b). Далее, применительно собственно к VI династии извод Евсевия сообщает нечто конкретное лишь о царице Нитокрис; об остальных же царях не сообщается даже их точное число, причем в передаче Синкелла имеется неясность относительно срока их правления — не то 3, не то 203 года (Frg. 21a; армянская версия Евсевия твердо присваивает VI династии 203 года: frg. 21b). Иными словами, в своем изводе Манефона Евсевий явно сгруппировал в VI–VIII династии царствования «аномальные» — одно женское и ряд не заслуживавших внимания в принципе. В диапазоне I–VIII династий последние конкретные характеристики прилагаются у Евсевия к Отоесу и Фиопсу, которых он отнес к V династии, причем и они вызывают ассоциации с упадком царской власти (убийство Отоеса и дряхлость Фиопса). Очевидно, грань, после которой этот упадок дает некие качественные результаты (видимо, переходит в настоящий кризис), соответствует, в восприятии Евсевием сведений Манефона, именно концу V династии. Подобная позиция Евсевия должна, по-видимому, иметь основания в отношении к этому историческому рубежу самого Манефона (видимо, перешедшем и в эпитому его труда). Как мы помним, в Туринском папирусе именно после завершающего V династию царствования Унаса подводится своего рода «промежуточный итог» древнейшей египетской истории; характерным образом, именно при Унасе и царях VI династии в их гробницах начинает кодифицироваться царский заупокойный ритуал — «Тексты пирамид», что принято связывать с появлением у царей неуверенности в вечности их посмертного культа⁸ и, стало быть, с назреванием нестабильности в государстве⁹.

Второй томос Манефона начинается с XII династии, которая, как уже говорилось, открывается царствованием сына Амменемеса/Амени по имени Сесонхосис (Manetho. Frgg. 34.1, 35.1: Σεσόυχοσις; frg. 36.1: *Sesonchosis*), занимающего место исторического Сенусерта I. Так же (с небольшой вариацией в долготе гласной: Σεσόυχωσις) в кон. IV в. до н.э. в свидетельстве последователя Аристотеля Дикеарха Мессенского, сохраненном в схолиях к «Аргонавтике» Аполлония Родосского (Schol. Apoll. Rhod. IV. 272–276), именуется древнейший египетский царь — великий завоеватель и, в особенности, устроитель египетского общества¹⁰. Качества царя-устроителя свойственны Сенусерту I и в исторической реальности: именно он впервые после бедствий I Переходного периода обнаружил способность полноценным образом совершать ритуал богам, в результате чего возобновилось нормальное ответное «воздаяние» со стороны богов — полноводные разливы Нила¹¹. Кроме того, скорее всего, именно он создал систему распределения трудового

⁸ Demidchik 2005, 93.

⁹ В течение VI династии упадок постиг египетское общество настолько, что, по словам А.О. Большакова, «практически никто уже не мог создавать в своей гробнице большое количество изображений»: Demidchik 2001, 231.

¹⁰ См. подробно о данном сообщении, в том числе об аутентичной первоначальному тексту Дикеарха форме имени упоминаемого в нем египетского царя: Ladynin 2014.

¹¹ Что получило отражение в принятом им и ставшем с этого времени регулярным для египетской царской титулатуры эпитете *nb irt ht* — «владыка совершения вещей» (т.е. жертвоприношений): Blumenthal 1970, 133–134; Demidchik 2005, 23, прим. 2; 47–49.

населения Египта на профессиональные разряды, сформировавшую организацию египетского общества на все II тыс. до н.э.¹²

По сути дела, именно в фигурах Аменемеса и Сесонхосиса, разнесенных, несмотря на связывающую их филиацию, по разным династиям, мы впервые в труде Манефона видим прием своего рода персонализации смены одного исторического цикла другим в паре «отец и сын»: царь-«грюндер» вновь наступившей исторической эпохи является сыном и преемником царя, избывшего беду эпохи предыдущей. Аутентичные египетские истоки этого конструкта устанавливаются с идеальной точностью: как показал недавно А.Е. Демидчик, подобное же «распределение ролей» между отцом и сыном, стоящими на рубеже двух эпох, было впервые намечено как раз на исходе I Переходного периода, причем раньше начала XII династии – в знаменитом «Поучении царю Мерикара». Его автор Хети III Уахкара попытался вчерне стабилизировать обстановку в своих владениях и воссоздать такие атрибуты государственности III тыс. до н.э., как столица и царский некрополь в Мемфисе, – однако окончательное восстановление порядка он связывал с будущим правлением своего сына, о котором, как он надеется, смогут сказать «прекративший время болезни!» (pErm. 1116A. 142: *dd.tw.k ḥd rk n mn*)¹³. Невольно возникает мысль, что «Поучение Аменемхета I своему сыну Сенусерту» (pMillingen) нужно считать текстом, совершенно парным «Поучению царю Мерикара»: вполне допустимо, что он был заказан придворному литератору Хети (см. наше прим. 12) именно для того, чтобы перенести возникшее ранее (и, видимо, сочтенное полезным как идеологический конструкт) представление о стоящих на рубеже эпох «отце и сыне» на связанных этим родством первых царей XII династии – Аменемхета I и Сенусерта I¹⁴. В таком случае предполагаемые этим конструктом роли «приросли» к этим персоналиям столь прочно, что возникшие благодаря этому образы просуществовали без каких-либо потерь вплоть до времени Манефона; несомненно, этому способствовало и то, что реальное значение

¹² Как показал О.Д. Берлев на материале хорошо известного «Поучения Хети, сына Дуауфа, своему сыну Пепи», в восприятии египтян преобразования Сенусерта I выразились именно в создании системы профессиональных разрядов, по которым распределялись достигшие совершеннолетия египтяне в зависимости от их умений (Berlev 1984). Хотя в указанной работе Берлев и не приписал создание этой системы непосредственно Сенусерту I (он говорил лишь в целом о «реформаторской деятельности первых царей XII династии»: Berlev 1984, 33), подобный вывод, по сути дела, напрашивается даже на основании одного этого текста: автор «Поучения...» Хети – приближенный именно этого царя (и очень высокого ранга, коль скоро он создал, несомненно, по его заказу, пропагандистское «Поучение Аменемхета I своему сыну Сенусерту»: pChester Beatty IV verso. VI.12–14; Berlev 1984, 27), при том что данное преобразование описывается им явно как «новая метла», действие которой по крайней мере теоретически, при определенных обстоятельствах (неспособности его сына получить квалификацию профессионального писца), может затронуть даже его собственную семью.

¹³ Demidchik 2005, 34–49, 202; о термине «болезнь» как обозначении бедственного состояния страны, вызванного «сбоями» в совершении ритуалов богам: Demidchik 2005, 44–46.

¹⁴ Похоже, это произведение парно «Поучению царю Мерикара» и в том отношении, что оно содержит практические рекомендации сыну и наследнику его титульного автора по поводу методов, которыми тому надлежало руководствоваться в своей деятельности устроителя египетского государства; методы эти оказываются несравненно более волюнтаристскими, чем те, которые считал возможным рекомендовать своему сыну Хети III Уахкара.

царствования Сенусерта I и в самом деле соответствовало представлению о нем как о великом царе-«грюндере».

В отличие от ряда изводов античной традиции (в том числе от свидетельств Дикеарха) Манефон четко и с видимой последовательностью разводит образы царя-«грюндера» Сесонхосиса и великого царя-завоевателя, время которого также приходится на исторический цикл второго томоса. Этот царь, под именем Сесострис (Frgg. 34, 35: Σέσωστρις; frg. 36: *Sesostris*) и с кратким пересказом применительно к нему хорошо известных сведений Геродота (без прямой отсылки к этому автору – о подчинении им всей Азии, Скифии и Фракии и о расставленных им в местах его походов стелах: Hdt. II.102–110), помещен Манефоном в последовательности XII династии примерно на место исторического Сенусерта III (он оказывается третьим после Сесонхосиса и Амманемеса – Аменемхета II, о котором говорится, что он был убит собственными евреями; соответственно, образ Сесостриса у Манефона поглощает и предшествовавшего Сенусерту III исторического Сенусерта II). По-видимому, создание еще до Манефона своего рода гиперболы египетских завоеваний на основе реминисценций именно достижений Сенусерта III объясняется не столько их размахом, сколько тем, что среди египетских царей II тыс. до н.э. именно он не имел равновеликих ему противников во внешнем мире, настойчивой пропагандой его внешнеполитических усилий, ведшейся им самим и, видимо, отпечатлевшейся в памяти египтян, а также желанием позднеегипетского историописания «стянуть» к этому образу вообще все реминисценции активной внешней экспансии Египта, не только Среднего, но и Нового царства¹⁵. Показательно, что эти сведения о Сесострисе передаются в связи с его упоминанием в царском списке как Синкеллом при цитировании Африкана и Евсевия (Frgg. 34.3, 35.3), так и в более ранней армянской версии Евсевия (Frg. 36); соответственно, они должны были присутствовать уже в версии Манефона – возможно, в эпитоме его исторического труда, которую использовали христианские хронографы. Невозможно решить совершенно точно, восходит ли изложение этих сведений к самому Манефону или же к его эпитоматору; однако если верно последнее, то, во всяком случае, трудно представить, чтобы такая интерполяция была бы проведена в противоречие исходному сообщению Манефона.

Обратим внимание и на еще один момент: далее во втором томосе Манефона в качестве главного бедствия Египта на его протяжении представлено нашествие гиксосов, т.е. несчастье, обрушившееся на страну из внешнего мира. Между тем в рамках первого томоса источники бедствий Египта были, насколько мы могли об этом судить, внутренние: очевидно, исторический цикл второго томоса Манефона отличается от цикла первого томоса «внешнеполитической детерминантой» его «движения». Однако в таком случае бедствиям Египта, пришедшим извне, должен предшествовать, по всей вероятности, какой-то его взлет, максимальный на протяжении второго томоса и, очевидно, связанный с продвижением Египта во внешний мир (по аналогии с оцениваемым подчеркнуто позитивно временем Снофру накануне правления строителей великих пирамид): естественнее всего считать, что таким взлетом Манефон признавал, в согласии с Геродотом, именно экспансию Сесостриса. Пожалуй, еще более четким указанием на это может служить полное отсутствие у Манефона сведений о экспансии Египта в эпоху Нового царства: очевидно, реминисценции об этом в его труде, также как и у Геродота, были подверстаны к образу Сесостриса.

¹⁵ Ladynin 2012.

Переходя к вопросу о «точке надлома» в движении второго цикла египетской истории, каковой, согласно Манефону, несомненно, было гиксосское завоевание Египта, мы должны обратиться к цитированию Манефона Иосифом Флавием в трактате «Против Апиона» (Manetho. Frg. 42 = Ios. C.Ap. I.14. §§ 73–92; frg. 50 = id. 15–16. §§ 93–105), о котором уже шла речь в связи с вопросом о его аутентичности. Для наших целей более существенны не реалии собственно гиксосского владычества в изложении Флавия, а скорее сведения о его финале (вернее, в понимании Манефона и Флавия, о финале *первого* гиксосского владычества в Египте). Согласно этим свидетельствам, предшественник и отец основателя XVIII династии вытеснил гиксосов с большей части Египта в их столицу Аварис; затем его сын и преемник попытался взять Аварис, но не преуспел в этом и заключил с ними договор об их уходе из Египта (как видно по сопоставлению цитирования Флавия с другими фрагментами Манефона, он и стал основателем XVIII династии); после этого гиксосы образовали на азиатской периферии Египта, в Палестине, царство со столицей в Иерусалиме.

При этом в разных передачах Манефона царь-изгонитель гиксосов из Авариса, основатель XVIII династии, фигурирует под варьирующимися или приведенными в разной орфографии именами. Так, в нарративе Манефона, как он передан в составе дошедших рукописей Флавия, этот царь именуется то Туммосис (Асс. Θούμμωσις, frg. 42 = Ios. C.Ap. I. 14. § 88), то Тетмосис (Τέθμωσις, frg. 50 = id. 15. § 94; его преемник именуется Хеброн – Χέβρων), а его отец и предшественник – Мисфрагмутосис (Μισφραγμούθωσις – frg. 42 = Ios. C.Ap. I. 14. § 86; очевиден перенос на этого царя сочетания тронного «солнечного» и личного имен Тутмоса III *Mn-hpr-R^c Dhwtj-ms-sw*¹⁶). Те же имена с незначительными орфографическими вариациями носят в той же манефоновской цитате у Флавия два царя середины XVIII династии, Мефрамутосис и Тмосис, соответствующие историческим Тутмосу III и IV (frg. 50 = Ios. C.Ap. I. 15. § 95: Μηφραμούθωσις; id. § 96: Θμῶσις). В царском списке Манефона согласно Африкану в передаче Синкелла основатель XVIII династии, изгонитель гиксосов зовется «Амос» (frg. 52.1: Ἀμός – очевидное соответствие историческому Яхмосу I; ср. с данными Евсевия у Синкелла и в армянской версии – frg. 53a.1: Ἀμωσις; frg. 53b.1: Amoses), и за ним и тут следует Хеброс, или Хеброн (frg. 52.2: Χεβρώς; frg. 53a.2: Χεβρὼν; frg. 53b.2: Chebron); а в так называемой «Книге Сотис» тот же основатель XVIII династии именуется двойным именем «Амосис (который) и Тетмосис» (Manetho. Appendix IV: The Book of Sôthis. P. 240: Ἀμωσις ὁ καὶ Τέθμωσις). Аналогично в передаче царского списка Манефона у Африкана указывается, что Мисфрагмутосис, правивший в середине XVIII династии, звался еще и «Амосисом» (frg. 52.6: ἐπὶ Ἀμώσεως τοῦ καὶ Μισφραγμούθωσεως).

Как видно, во фрагментах Манефона прослеживаются, с одной стороны, его полная уверенность, что изгнание гиксосов из Египта имело место при непосредственном предшественнике основателя XVIII династии и при самом этом основателе (прямые указания в тексте, цитированном Флавием, и соотнесение появляющегося у него в этом контексте имени «Тетмосис» с именем «Амосис», открывающим эту династию в царских списках), а с другой – перенос на этих двух царей имен Тутмоса III и Тутмоса IV, стоящих в царском списке Манефона под этими же или чуть модифицированными именами на своем месте, в середине XVIII династии. Такой перенос мог быть лишь следствием контаминации в источниках Манефона

¹⁶ Turayev 1935, 1, 258; Beckerath 1997, 124–125.

изгнания гиксосов с деяниями Тутмоса III, прежде всего контаминации действий против Авариса со взятием Мегиддо (исследователи давно заметили сходство Манефопова описания изгнания гиксосов из Авариса с осадой Мегиддо и ее исходом, когда, как известно по «Анналам» Тутмоса III, крепость не была взята штурмом, а защищавших ее князей отпустили на свободу править их землями: Urk. IV. 663.2; ср.: Ios. С.Ар. I.14. § 88–89)¹⁷. Возможно также, что прочный мотив соглашения с гиксосами, завершившего борьбу с ними в Аварисе при «Туммосисе» или «Тетмосисе», восходит к реминисценциям общеближневосточного урегулирования, которое подвело итог противостоянию Египта и Митанни в царствование Тутмоса IV¹⁸.

Оптимальное, на наш взгляд, объяснение этих особенностей сведений Манефона было предложено А.А. Немировским¹⁹. По его мнению, в каком-то из источников Манефона изгнание гиксосов (в том числе в связи с отмеченными нами контаминациями) приписывалось Тутмосу III и Тутмосу IV как царям *середины* XVIII династии; Манефон, твердо связывавший это событие на основании другой известной ему традиции с кануном и началом XVIII династии, ограничился более или менее полным переносом на соответствующих этому времени царей имен Тутмоса III (Мисфрагмутосис) и IV (Туммосис, Тетмосис²⁰), хотя для основателя XVIII династии удержал (как показывает восходящая к нему «Книга Сотис») и правильное имя, производное от имени Яхмос. Те же имена он сохранил и за царями середины XVIII династии, модифицировав, однако, их форму («Мефрамутосис» – «Тмосис») во избежание путаницы с парой царей – изгонителей гиксосов. Однако в последующей традиции две пары сходных царских имен накануне и в начале XVIII династии и в ее середине были сочтены неоправданным удвоением одной и той же пары персонажей; в итоге в той версии царского списка, которая стала известна христианским эпитоматорам, начало XVIII династии было связано исключительно с «Амос(ис)ом», эквивалентным «Тетмосису», а «Мисфрагмутосис»²¹ и его сын «Туммосис» заняли место исключительно в середине XVIII династии.

Очевидно, что предпосылкой к убежденности и первоисточника Манефона, и самого Манефона в завершении борьбы с гиксосами при царях с именами «Мисфрагмутосис» (историческом Тутмосе III) и «Туммосис/Тетмосис(/*Тутмосис)» (историческом Тутмосе IV), независимо от их положения при начале или в середине XVIII династии, могло быть только представление о том, что финалом этой борьбы был цикл войн этого царского дома в Азии в конце XVI – начале XV в. до н.э.,

¹⁷ Turayev 1935, 1, 258, 267; Redford 1997, 25; Nemirovskiy 2001, 134–135.

¹⁸ См., например: Nemirovskiy 1999, 157–158.

¹⁹ Nemirovskiy 2001, 132–135.

²⁰ Две формы этого имени в цитировании Флавия могут быть «орфографическими вариантами общего исходного “Тутмосис”», использованного самим Манефоном в его версии рассказа об изгнании гиксосов: Nemirovskiy 2001, 134.

²¹ Указание на именование царя середины XVIII династии и этим именем, и именем «Амосис» могло быть введено уже в рамках идущей от Манефона традиции: уясняя себе, почему Манефон якобы смешал царя, находившегося в начале XVIII династии, с парой царей в ее середине, интерпретатор Манефона мог прийти к выводу, что египетский историк ориентировался на совпадение их имен. Если двойное именование основателя этого царского дома («Амосис» и «Тетмосис») было известно и объясняло его совмещение с «Тутмосисом» в его середине, то было естественно опустить, что вторым именем «Мисфрагмутосиса» в середине XVIII династии было «Амосис» и на этом основании Манефон также смешал его с ее основателем (Nemirovskiy 2001, 134).

в которых главным врагом Египта было государство Митанни. В связи с этим чрезвычайно важно следующее: у Манефона, насколько можно судить, вообще нет сведений, которые можно было бы отнести специфически к Митанни, как и сведений о Хеттском царстве для более позднего времени. Примечательно, что историческую эпоху противостояния с хеттами Манефон подверстывает также к XVIII династии, в которую в его списке входят Хоремхеб (frg. 52.14: Ἀρμεσίς; frg. 53a.12: Ἀρμαῖς ὁ καὶ Δαναὸς; frg. 53b.12: Armaïs qui et Danaus), Рамсес I и Сети I, контаминированные в один образ, к которому присоединяются и реминисценции Рамсеса II (frg. 52.15: Ῥαμεσσῆς, 1 год; frg. 53a.13: Ῥαμεσσῆς ὁ καὶ Αἴγυπτος, 68 лет; frg. 53b.13: Ramesses qui et Aegyptos, 68 лет; Флавий упоминает непосредственно за этим царем Хармессеса Миамуна с 66 годами 2 месяцами правления: frg. 50 = Ios. C.Ap. I. 15. § 97: Ἀρμέσης Μιαμοῦν) и Мернептах (frg. 52.16: Ἀμενώφᾱθ; frg. 53a.14: Ἀμμενώφης; frg. 53b.14: Amenophis)²². Равным образом, из изложения Манефона выпадают сведения об экспансии Египта в Азии на протяжении этого времени: в целом вся внешняя экспансия Египта II тыс. до н.э. сведена у него, как мы уже говорили, к образу Сесостриса, а борьба с гиксосами представляет собой не наступление вовне, а восстановление независимости Египта и протекает целиком и полностью в его пределах! Очевидно, единственным «современником» Египта в Азии с момента изгнания гиксосов и до их повторного вторжения в союзе с египетскими прокаженными (см. ниже) для Манефона и было созданное выходцами из Авариса «постгиксосское» царство со столицей в Иерусалиме. В связи с этим вернемся к уже отмеченной контаминации в сведениях Манефона эпизода осады гиксосов в Аварисе и реминисценций взятия Мегиддо, известного нам по «Анналам» Тутмоса III: понятно, что пресловутые азиатские князья, исходно враждебные Египту и отпущенные Тутмосом из Мегиддо в свои владения, были накануне, учитывая политическую ситуацию его царствования, вассалами или младшими союзниками Митанни. Очевидно, единственным «современником» Египта в Азии с момента изгнания гиксосов и до их повторного вторжения в союзе с египетскими прокаженными (см. ниже) для Манефона и было созданное выходцами из Авариса «постгиксосское» царство со столицей в Иерусалиме.

Опасности, исходившей для Египта от гиксосов и их наследников, было суждено, согласно Манефону, актуализироваться вновь и породить уже финальный кризис конца второго цикла истории Египта. Описание этого кризиса мы опять же видим в цитате Иосифа Флавия (Manetho. Frg. 54 = Ios. C.Ap. I.26-31. §§ 227-287), посвященной истории царя, имя которого у Флавия звучит «Аменофис» (Ἀμενώφης); в последовательности царей согласно списку Манефона, сохраненному христианскими хронографами, он отнесен к концу XIX династии и зовется «Амменефтес» или «Амменефтис» (frg. 55.3: Ἀμμενέφθης; frg. 56a.3: Ἀμμενέφθης; frg. 56b.3: Amenephtis)²³. Согласно Флавию (Ios. C. Ap. I. 26. § 232–251), Аменофис пожелал «созерцать богов» (θεῶν γενέσθαι θεατήν; ср. выше с вероятным качеством «царя-эзотерика», приписываемым Суфису/Хуфу в свидетельстве царского списка Манефона) и, по совету своего придворного мудреца и тезки Аменофиса, сына Пааписа (ὁμωνύμῳ μὲν αὐτῷ Ἀμενώφει πατρὸς δὲ Παάπιος ὄντι), отправил 80 тысяч прокаженных и больных, мешавших этому своей нечистотой, в каменоломни к востоку от Нила. Далее мудрец устрасился мести богов за это, предсказал, что спустя время эти прокаженные в союзе с внешними врагами на 13 лет подчинят Египет, и покончил с собой. Фараон впал в уныние, освободил узников

²² См. об идентификации всех этих имен: Ladynin, Nemirovskiy 2001, 92–98.

²³ Ladynin, Nemirovskiy 2001, 92, 97–98.

каменоломен и поселил их в прежнем гиксосском Аварисе; через некоторое время их вождь, «некий жрец из Гелиополя по имени Осарсиф» (τινα τῶν Ἡλιουπολιτῶν ἱερέων Ὁσάρσηφον), отправился к гиксосам в их столицу Иерусалим (Гиеросолиму; Ἱεροσόλυμα) с предложением сообща напасть на Египет. Аменофис, узнав об этом, собрал войско, но уже с самого начала отправил своего сына «Сетоса (который) и Рамессес» (τὸν δὲ υἱὸν Σέθων τὸν καὶ Ῥαμέσσην) в безопасное место и в итоге не принял боя, а бежал в Эфиопию. Через 13 лет, в точном соответствии с предсказанием, Аменофис «и сын его Рампсес» (ὁ υἱὸς αὐτοῦ Ῥάμψης; понятно, что нюанс в передаче имени не влияет на тождество этого персонажа «Сетосу-Рамессесу» предшествующего пассажа) вернулись из Эфиопии «с несметной силой», изгнали врагов из страны и преследовали их «до пределов Сирии». Согласно царскому списку Манефона, после Аменофиса правили последние цари XIX династии вплоть до Туориса (Θουώρις, Thuoris), который называется современником взятия Трои (Frgg. 55-56) и за которым скрывается историческая царица Таусерт²⁴; однако очевидно, что подлинный финал второго томоса, который оканчивается как раз XIX династией, связан для Манефона именно с этим рассказом о втором вторжении гиксосов в Египет.

Подробному обоснованию исторической интерпретации этого рассказа Манефона автор настоящей статьи посвятил отдельную работу²⁵, предпосылкой для которой во многом послужило исследование, проведенное А.А. Немировским²⁶. Сейчас достаточно сказать о нашей солидарности с мнением, что историческая «база» данного сюжета – это события финала XIX династии (в согласии с местом данного рассказа в последовательности царей Манефона), когда Египет был вынужден справляться с нашествием «народов моря» и его последствиями. Как показал А.В. Сафронов, упоминание Элефантинской стелы Сетнахта²⁷ об участии во внутривосточной борьбе в Египте на стороне его врагов неких *sttyw* («азиатов» – Wb. IV.348.6; по смыслу этого термина, пришельцев с северо-востока, каковые на рубеже XIX–XX династий могли появиться в Египте только с первой волной «народов моря» при Мернептахе) и об их последующем изгнании из страны хорошо коррелируется с данным сюжетом²⁸. В то же время в сведениях Флавия о царе Аменофисе проявляются и реминисценции амарнского (вернее, преамарнского) времени: прежде всего это имя его придворного мудреца «Аменофиса, сына Пааписа» – несомненная реминисценция исторического Аменхотепа, сына Хапу, состоявшего в этом качестве при Аменхотепе III (также «Аменофисе» у Манефона; frg. 52.8: Ἀμενώφης; frg. 53a.7: Ἀμένωφης; frg. 53b.7: *Amenophis*)²⁹. При этом описание Манефоном бедствий времени Аменофиса как следствия неблагих, нечестивых действий царя, навлекших на него и на Египет в целом гнев богов, хорошо коррелируется с египетским восприятием как скверны и амарнского времени (см., например, «Реставрационную стелу» Тутанхамона: Urk. IV. 2027³⁰), и междоусобицы конца XIX династии, после которой «очищали трон» (pHarris I. 75. 8–9)³¹. Сходство этих двух эпох обнаруживалось не только в их восприятии, но и в конкретных и немаловажных исторических деталях – в том, что амарнское

²⁴ Beckerath 1997, 127; Safronov 2005, 13–14.

²⁵ Ladynin 2009.

²⁶ Ladynin, Nemirovskiy 2001, 92–99.

²⁷ Seidlmeyer 1998, 375.

²⁸ Safronov 2005, 13–14.

²⁹ Gozzoli 2006, 215–216.

³⁰ Ladynin 2002, 168–174.

³¹ Safronov 2005, 14.

время завершилось большой войной с хеттами, обрушившимися на Египет с того же направления, что и «народы моря» (особенно их вторая волна при Рамсесе III, двигавшаяся из Малой Азии через Восточное Средиземноморье³²), и что начало и конец обеих эпох пришлись на времена царей со сходными именами (амарнского времени – на царствования Аменхотепа III и Рамсеса I и Сети I, кризиса конца XIX – начала XX династий – на царствования Мернептаха и Сетнахта с Рамсесом III). Сложная контаминация привела к тому, что реминисценции об Аменхотепе III («Аменофисе»), Мернептахе («Аменофате» или опять же «Ам(м)енофисе» – frg. 52.16: Ἀμενωφάθ; frg. 53a.14: Ἀμμένωφίς; frg. 53b.14: Amenophis) и историческом Саптахе – «Ам(м)енефте(/и)се»³³ слились в единый образ нечестивого царя – виновника бедствий, известного в передаче Иосифа Флавия как «Аменофис», а реминисценции о Сетнахте и Рамсесе III, очевидно, в определенном соотношении с Сети I и Рамсесом II, – в образ сына Аменофиса «Сетоса (который) и Рамессес», или «Рампсеса».

Механизм, по которому осуществлялась подобная контаминация (впервые выявленный наблюдениями А.А. Немировского³⁴), оказывается весьма специфической чертой работы Манефона с богатой событиями военно-политической историей II тыс. до н.э. Достаточно очевидно, что слияние в итоговые образы Аменофиса и его сына их исторических прототипов происходило по преимущественному критерию сходства реальных ситуаций, в которых они действовали, независимо от несовпадения их имен, которое стало бы очевидно при обращении к их иероглифическим написаниям. По-видимому, там, где это было возможно, над именами контаминируемых персонажей производилось то, что можно было бы назвать их «искусственной фонетической ассимиляцией» (например, сведение к более-менее единому фонетическому облику имен «Мернептах» и «Аменхотеп»). Такая манипуляция с именами была вторичной по отношению к отождествлению исторических ситуаций с участием их обладателей, но все же едва ли совершенно произвольной и насильственной (см. наше прим. 33). В тех случаях, где она была совершенно невозможна (как с именами «Сети» или «Сетнахт» и «Рамсес» или, в сюжете об изгнании гиксосов, с именами «Яхмос», «Менхеперра-Тутмос» и «Тутмос»), приходилось принимать тот постулат, что соответствующий исторический персонаж был известен сразу под несколькими именами, что отражалось в особой, ставшей для Манефона, по сути дела, стандартной для этой цели формуле (δ.) ὁ καὶ (δ.) – «(такой-то), который и (такой-то)»: «Амосис (который) и Мисфрагмутосис», «Сетос (который) и Рамессес».

Опознаваемые следы подобных манипуляций показывают, что Манефон был осведомлен об исходной (на уровне аутентичных свидетельств II тыс. до н.э. либо сведений, прямо к ним восходящих, как в памятниках, так, вероятно, и в несохранившихся папирусных записях) фиксации сведений, подаваемых им в рамках одного эпизода, применительно к персонажам с разными именами. Более того: как

³² Istoriya drevnego Vostoka 1988, 188–196, 260.

³³ Данная форма имени должна восходить к эпитету «Возлюбленный Птахом» (*Mry.n-Pth*), который принадлежал царю, известному нам в основном как Саптах (Perepyolkin 2000, 356); место царя этого имени в последовательности Манефона оптимально согласуется именно с положением исторического Саптаха (Ladynin, Nemirovskiy 2001, 97). Очевидно, передача словосочетания *Mry.n-Pth* различными вариациями основы «Ам(м)ено(/е)ф(т)-» (как мы видим, применительно и к Мернептаху и к Саптаху) должна отталкиваться от каких-то особенностей реального произнесения имени *Mry.n-Pth* в Позднее время, которые и могли привести к его фонетическому сходству с именем «Аменхотеп» (*Imn-ḥtp(w)*).

³⁴ Ladynin, Nemirovskiy 2001, 92–99.

убедительно показал А.А. Немировский на примере сведений Манефона о XVIII и XIX династии, египетский историк имел вполне адекватное представление и о том, какое положение цари этих домов, под их аутентичными именами, занимали в династической последовательности, и воспроизводил ее верно³⁵. Понятно, что аутентичные свидетельства II тыс. до н.э. не могли напрямую подтолкнуть Манефона или иных египетских историографов к такой контаминации описываемых в них событий, какую мы видим в сведениях об изгнании гиксосов или в легенде об Аменофисе: мы знаем, что сама по себе эта контаминация ложна, а свидетельства эти фиксировали как раз историческую реальность. В таком случае данная контаминация должна быть сугубо порождением позднеегипетской историографии, а осуществившие ее авторы могли руководствоваться следующим соображением: они признавали аутентичность отраженной в их источниках династической последовательности как таковой, они признавали достоверность описываемых в их источниках конкретных событий, но при этом полагали привязку этих событий к конкретным царствованиям нуждающейся в упорядочении и проводили его так, как считали правомерным по некоторым основаниям.

Основания эти применительно к сюжетам, относящимся в исторической реальности к эпохам Амарны и ко времени борьбы с «народами моря», кажутся довольно очевидными. Манефон и, видимо, его предшественники в позднеегипетской историографии явно не допускали мысли, что столь схожие кризисные ситуации могли повториться с интервалом в сто с небольшим лет. Поэтому данные циклы событий были контаминированы, причем в их контаминации закономерно удержались «диагностические признаки» от обеих этих кризисных эпох: от Амарны — представление о нечестии царя как истоке больших бедствий (образ Аменофиса, похоже, вообще принимается за своего рода эталон царя, отступившего от *маат* и понесшего за это вместе с Египтом возмездие, и в этом значении клишируется и применительно к более поздним историческим вехам), а от эпохи «народов моря» — хронологическая привязка этих бедствий к финалу XIX династии, т.е. ко вполне реальному историческому рубежу, после которого египетская государственность II тыс. до н.э. (весьма вероятно, и в самом деле ослабленная именно борьбой с этническими миграциями рубежа XIII–XII вв. до н.э.) стала клониться к упадку. Очевидно, в пору контактов с греками память об этом еще и была подкреплена корректной синхронизацией этого рубежа, персонифицированного царем Туорисом, с падением Трои, т.е. совершенно аналогичной вехой греческой истории.

Вместе с тем выявление этого принципа побуждает задать вопрос: что же, по мнению позднеегипетских историографов, было невозможным в реальном повторении подобных ситуаций, хотя бы и с небольшим интервалом? Похоже, что невозможной им представлялась именно высокая степень и системность их сов-

³⁵ Ladynin, Nemirovskiy 2001, 92–99. Это не означает, что Манефон не допускает ее искажений, однако они не носят системного характера (в частности, вопреки мнению ряда египтологов, не состоят в дублировании им некоторых отрезков царской последовательности: Ladynin, Nemirovskiy 2001, 94 сл.) и, когда проявляются, то могут объясняться непониманием им доброкачественного аутентичного источника. Так, в списке царей XIX династии мы видим «раздвоение» Манефоном все того же Саптаха, известного в разных памятниках под именем «Рамсес Саптах» и, как мы уже знаем, с эпитетом *Mry.n-Pth*, на двух царей — «Рапсака», или «Рампсеса», и «Ам(м)енефте(/и)са» (Manetho. Fragg. 55–56; Ladynin, Nemirovskiy 2001, 97). Данную ошибку Манефона нельзя не считать простительной, учитывая, что она первоначально была допущена и современными египтологами (Perepyolkin 2000, 356).

падения – по самому характеру событий (эпоха «нечестия», сопряженная с острым политическим кризисом), по направленности внешнего удара по Египту (с северо-востока, из Малой Азии через Восточное Средиземноморье) и, наконец, по совпадению имен задействованных в данных ситуациях египетских персоналий! Решив, что «таких совпадений не бывает», историографы I тыс. до н.э. должны были прийти к выводу, что некая ошибка содержится в их первоисточниках, «размножающих» одну и ту же историческую ситуацию применительно к двум эпохам, и что их собственная задача состоит в определении того исторического момента, когда данные события имели место *на самом деле*, и в «стягивании» в своих трудах именно к нему всех наличных сведений о них.

В связи с этим уместно поставить еще один, более широкий вопрос: как позднеегипетская историография должна была оценивать всю последовательность военно-политических коллизий II тыс. до н.э., особенно самой активной их фазы Позднебронзового века – времени египетского Нового царства? Выше мы уже обратили внимание на ее стремление «стянуть» всю внешнюю экспансию Египта не только Среднего, но и Нового царства к образу Сесостриса; благодаря этому военные события Нового царства подавались Манефоном уже как сугубо оборонительные со стороны Египта – сначала изгнание гиксосов в начале XVIII династии, а затем отражение их наследников при Аменофисе и его сыне. Характерным образом был подан и образ врага Египта в течение всего этого времени: сначала это «классические» гиксосы, затем – «гиксосское» царство с центром в Иерусалиме (о котором, кстати, мы не слышим, что оно было уничтожено Аменофисом или его сыном!); далее, надо полагать, это уже возникшая на его основе израильско-иудейская государственность Давидидов, с которой имел дело исторический Шешонк I во 2-й пол. X в. до н.э.³⁶ Строя подобную схему военной истории Египта II тыс. до н.э., Манефон и его вероятные предшественники предстают перед нами последовательными, чтобы не сказать фанатичными, сторонниками принципа «лезвия Оккама». Стремясь «не множить сущности», они сводят эту историю к *одной* фазе внешней экспансии Египта, *одному* эпизоду его захвата чужеземцами, *одной* попытке повторения этого захвата и, в конечном счете, к противостоянию на всех этих этапах с *одним и тем же* противником! Напомним еще раз, что подобная манипуляция происходит «на фоне» почти идеального знания позднеегипетскими авторами всей последовательности царей, при которых, как это известно современным египтологам, имели место несравненно более сложные военно-политические процессы. Получается, что сведения об этих процессах в первоисточниках, которыми пользовались позднеегипетские историографы, подверглись с их стороны преобразованию, аналог которому может найтись разве что в отечественной околонучной среде в виде редукционистской методологии академика Фоменко.

Каким образом можно объяснить подобное недоверие позднеегипетской историографии к аутентичным свидетельствам, содержащимся в традиции их собственной страны (и – повторим еще раз и это! – известным этим поздним авторам, коль скоро у Манефона видны следы «сшивания» отдельных исходных сведений, относившихся к разноименным и разновременным, как это и имело место в исторической реальности, персонажам)? Нельзя не согласиться с А.А. Немировским, отметившим при обсуждении этого вопроса, что и в современной историографии адекватное представление о хронологии и военно-политической истории Египта в Позднебронзовом веке иногда создается в большей мере клинописными источниками,

³⁶ См. подробнее: Ladynin 2015a.

нежели египетскими памятниками; ярким примером фикции, возникшей, при обращении только к египетским памятникам, при игнорировании клинописного материала, в умах уже не авторов I тыс. до н.э., а *современных египтологов*, можно считать небезызвестную — на наш взгляд, вполне фантастическую — гипотезу «12-летнего соправления» Аменхотепа III и Эхнатона³⁷. Египетские же источники — прежде всего, военные надписи царей — для адекватного их использования необходимо тщательно сопоставлять с клинописными с целью точного отождествления употребляемых в них полито-, хоро- и топонимов, оценки достоверности приписываемых царям побед (в том числе выявления случаев, когда о них велась речь вопреки реальному соотношению сил, достигнутому в ходе того или иного конфликта, и т.п.); кроме того, по-настоящему результативным мог бы быть лишь сплошной учет подобных свидетельств по всем местам, где они обнаруживаются, который реален в наши дни благодаря систематической публикации археологических данных. Понятно, однако, что ни один египтянин I тыс. до н.э., интересовавшийся прошлым своей страны, не был в состоянии осуществить подобное «сплошное эпиграфическое обследование», к примеру, всех ее храмовых комплексов; а даже и попытавшись предпринять нечто в этом роде, оказался бы перед задачей интерпретации собранных данных — непосильной в первую очередь в силу безнадежной утраты актуальности, а, стало быть, и понятности реалий соприкасавшегося с Египтом в прошлом азиатского мира. Приняв это во внимание, легко представить себе, что многократная смена в египетской военной истории фаз успешной экспансии и отступления³⁸ в коллизиях с государствами и народами, имена которых не говорили уже ничего, вызывала меньше доверия, чем сведение этих малоразличимых событий к немногим векам, яркая память о которых сохранилась и независимо от аутентичных синхронных источников, в не прерывавшейся живой традиции³⁹. В таком случае, по-видимому, отнесение в аутентичных источниках масштабных военно-политических событий к эпохам, отличным от этих веков, должно было восприниматься как ошибка, подлежащая корректировке в рамках общей исторической схемы; а ассимиляции имен и конструирование «сшитых» разноименных персонажей у Манефона и представляет собой такую корректировку.

Немаловажно и то, что подобная манипуляция согласовывалась и с самой циклической структурой схемы египетской истории, представленной у Манефона: за

³⁷ См., с отсылками к литературе: Bolshakov 2009, 33–34; ср.: Murnane 1977, 123–169; Ladynin 2008, 128–129, 140–141.

³⁸ На протяжении только Нового царства подобная смена происходила *четырежды*: «постгиксосская» экспансия начала XVIII династии с ее пиком при Тутмосе I — отступление при Хатшепсут под натиском Митанни; экспансия Тутмоса III — Аменхотепа II — Тутмоса IV в середине и второй половине XV в. до н.э. — отступление амарнского и постамарнского времени под натиском хеттов; экспансия начала XIX династии — кризис нашествия «народов моря»; экспансия Рамсеса III после отражения второй волны «народов моря» — утрата азиатской сферы влияния из-за внутреннего кризиса XX династии.

³⁹ Усматриваемая в сведениях Геродота о Сесострисе (Ivantchik 1999, 7; 2005, 192) и Манефона об Аменофисе (см. выше, в связи с оценкой аутентичности традиции, восходящей к Манефону) подмена исторических фактов фольклорными или художественными мотивами, по сути дела, показывает, что реминисценции этих эпизодов ввиду их ключевого значения особенно ярко запечатлелись в памяти египтян, при этом пройдя на протяжении многих веков переосмысление, приобретя новеллистическую форму и обогащение фольклорными деталями. Именно в таком виде они были использованы позднеегипетской историографией, как мы уже говорили, с готовностью абсорбировавшей подобные мотивы и считавшей их достаточно достоверной репликой исторической реальности.

однократным в рамках цикла XII–XIX династии взлетом Египта, представленным, как мы говорили, его успехами при Сесострисе, последовала фаза надлома, в ходе которой эти успехи уже не возобновлялись, и в итоге дело дошло до фазы острого кризиса при Аменофисе и его сыне. В таком случае в самом «движении» цикла второго томоса Манефона отчетливо просматривается внешнеполитическая детерминанта (что, в общем, естественно применительно к истории Египта II тыс. до н.э.); а Аменофис и его сын на рубеже второго и третьего циклов египетской истории, подобно Амменемесу и Сесонхосису ранее (см. выше), делят между собой роли царя-отца, избывшего беду конца одного цикла (обратим внимание, что согласно цитированию Флавия Манефон приписывает освобождение Египта от чужеземцев и прокаженных именно Аменофису, хотя и при содействии его сына) и царя-сына – основоположника нового исторического цикла. Как отметил А.А. Немировский (см. наше прим. 43), само воцарение «Сетоса (который) и Рамессес», в некоей исторической перспективе, идущей от царствования его отца, не может вызывать сомнений, так как сведения Манефона в изложении Флавия весьма логично подводят к этому, а в версии сюжета об Аменофисе, сохраненной греко-египетским автором I в. н.э. Херемоном Александрийским⁴⁰, освобождение Египта и вовсе приписано усилиям одного сына Аменофиса как единоличного правителя (FGrHist. 618. F. 1 = Ios. C.Ar. I. 26. § 288–292). Очевидно, что такое сведение усилий отца-правителя и сына – его помощника – к усилиям одного сына, представляет собой упрощающее искажение исходной информации (в аутентичном виде ее, очевидно, зафиксировал Манефон); однако само такое искажение мыслимо только если и согласно исходной информации сын Аменофиса в итоге стал полновластным царем.

Роль сына Аменофиса – «Сетоса (который) и Рамессес», или «Рампсеса» – как самостоятельного правителя и основоположника третьего цикла истории Египта – не «прописана» в сохранившихся фрагментах Манефона сколько-нибудь отчетливо. Однако, во-первых, она представлена весьма внятно в характеристике деятельности основателя XX династии Сетнахта и в самоаттестациях его сына Рамсесе III, контаминация воспоминаний о которых, как мы считаем, и породила в труде Манефона составной образ «Сетоса (который) и Рамессес», в исторической части хорошо известного «Большого папируса Харрис» (pHarris I. 75.1–9). Во-вторых, хотя в цитате Флавия мы видим «Сетоса (который) и Рамессес», в весьма важной роли помощника Аменофиса при изгнании прокаженных и иноземцев, царский список Манефона в передаче христианских хронографов не упоминает его вовсе: во всех версиях хронографов за «Ам(м)енефте(/и)сом» следуют царствования Амменемеса, или Амменемнеса (Manetho. Frg. 55.5: Ἀμμενεμνῆς; frg. 56a.4: Ἀμμενέμης; frg. 56b.4: Ammenemes; вне сомнения, исторический Аменмессу – 1212–1209 гг. до н.э.), и современника взятия Трои Туориса (Frg. 55.5: Θούωρις; frg. 56a.5: Θούωρις; frg. 56b.6: Thuoris), за которым скрывается историческая царица Таусерт⁴¹. В версии Африкана после Амменефтеса и до Амменемнеса упомянут Рамессес (Frg. 55.4: Ῥαμессῆς) с 60 годами царствования, и, строго говоря, его и следовало бы считать эквивалентом «Сетоса (который) и Рамессес», в рассказе, переданном Флавием⁴². Однако более внимательный взгляд на сведения версии Африкана о XIX династии обнаруживает в них явные следы изменения первоначального текста царского списка – Африкан говорит не о пяти,

⁴⁰ См. о нем: Burstein 1996.

⁴¹ Beckerath 1997, 127; Safronov 2005, 13–14.

⁴² Ladynin 2009, 170–171.

как Евсевий (Frg. 56a–b), а о семи царях этой династии и при этом перечисляет их всего шесть (Frg. 55). Очевидно, первоначальную последовательность царей этой династии передал как раз Евсевий; Африкан попытался откорректировать ее в меру собственного понимания (в частности, решив на основании сведений, известных и Флавию, что Рамессес/«Сетос (который) и Рамессес», должен быть прямым преемником Амменептеса/Аменофиса, и внеся его в ряд царей XIX династии на «правильное» место), но сделал это не вполне последовательно⁴³.

Между тем исключение «Сетоса (который) и Рамессес», из ряда царей XIX династии хорошо согласовывалось бы со смыслом известного в цитате Флавия рассказа Манефона о владычестве в Египте прокаженных и гиксосов и с его соотношением с реальными историческими событиями (очевидно, что последнее заведомо оставалось за гранью знаний христианских хронографов). Как мы уже говорили, восприятие Манефоном этого времени бедствий соотносится с характеристикой в «Большом папирусе Харрис» смутного времени, после которого основатель XX династии Сетнахт очищал египетский трон. В рамки этого периода заведомо укладывалось, по меньшей мере, царствование Таусерт: при этом надо заметить, что ее известные датировки достигали Года 8 (и, соответственно, продолжительность ее правления согласно царскому списку Манефона – семи лет) лишь за счет причисления к ее единоличному правлению (ок. 1201–1200 гг. до н.э.) лет ее предшественника Саптаха (1208–1202 гг. до н.э.)⁴⁴. Однако именно при Саптахе возвысился сановник Баи – очевидно, «Ирсу» «Большого папируса Харрис», азиат по происхождению, с чьими действиями составители этого текста и связывали наступившее в Египте нечестие⁴⁵. По-видимому, в дальнейшем, в том числе усилиями Сетнахта – непосредственного преемника Таусерт, стремившегося легитимировать свою власть, подобная оценка была ассоциирована с ее царствованием в целом. Память о том, что царствование Таусерт было каким-то особенным временем, к тому же соположенным со взятием Трои, оказалась столь прочной, что отразилась даже в несравненно более схематичных, чем у Манефона, и сильнее преобразующих исторические реалии сведениях о периодизации истории Египта Дикеарха Мессенского⁴⁶. Учитывая такую прочность этих реминисценций, можно было бы ожидать, что Манефон во всяком случае был осведомлен о них и соотносил их в собственном восприятии с событиями владычества в Египте прокаженных и гиксосов.

Возвращаясь к вопросу о положении в царском списке Манефона «Сетоса (который) и Рамессес», отметим тот важный момент, что этот список в передаче христианских хронографов вообще не содержит перечисления царей XX династии – первой в последовательности царских домов третьего томаса, – ограничиваясь лишь словами о ее происхождении из Фив (Диосполиса) и об общей продолжительности ее правления (Manetho. Frg. 57a – 135 лет; frg. 57b – 178 лет; frg. 57c – 172 года). Весьма вероятно, что отсутствие у хронографов перечисления царей XX династии, как и в случае с VIII–XI династиями, воспроизводит умолчание самого Манефона, вызванное незначительностью этих персонажей. Между тем Сетнахт и Рамсес III, реминисценции которых и отразились в образе «Сетоса (который) и Рамессес»,

⁴³ Данное наблюдение было предложено А.А. Немировским в докладе «Переход от XIX династии к XX у Манефона» на 13-х Петербургских египтологических чтениях (29 июня – 1 июля 2015 г.).

⁴⁴ Hornung, Krauss, Warburton 2006, 214; Safronov 2008, 112 и сл.

⁴⁵ Safronov 2008.

⁴⁶ Ladynin 2014, 33, прим. 40.

открывали именно XX династию, вполне соответствующую манефоновской по своему месту в реальном ходе истории. Как отмечал А.А. Немировский (см. наше прим. 43), было бы естественно думать, что «Сетос (который) и Рамессес», и был, согласно сведениям Манефона, основателем XX династии и основоположником начатого ею третьего цикла египетской истории. В таком случае получилось бы, что бедствия Египта под властью прокаженных и гиксосов начались в финале правления «Ам(м)енефте(/и)са» царского списка, переданного хронографами, пришлось на царствования в Египте «Амменем(н)еса»/Аменмессу и Туориса/Таусерт и прекратились с возвращением «Ам(м)енефте(/и)са» и «Сетоса (который) и Рамессес», из Эфиопии, тождественным началом XX династии.

В пользу подобной реконструкции соотнесения рассказа Манефона о царе Аменофисе и прокаженных, переданного Флавием, и последовательности царей в списке Манефона, переданном христианскими хронографами, говорит следующее соображение. В исторической реальности смута в Египте конца XIX династии началась после мятежа Аменмессу – сына Мернептаха и первоначально наместника Нубии – против Сети II, другого сына Мернептаха и его законного наследника, в 1212 г. до н.э.⁴⁷ Завершение смуты, совпадающее с установлением Сетнахтом власти над Египтом и, соответственно, с началом XX династии, пришлось примерно на 1200 г. до н.э. Однако промежуток между этими крайними датами и дает, по сути дела, тринадцать лет, фигурирующие как срок владычества над Египтом прокаженных и гиксосов в рассказе Манефона, переданном Флавием! Более того, среди сведений хронографов о продолжительности царствований конца XIX династии ближе всего к реальности информация Африкана, дающего Амменемнесу пять и Туорису семь лет, т.е. в совокупности практически тот же самый срок.

Казалось бы, не в пользу нашего предположения говорит отсутствие в цитате Флавия каких-либо упоминаний об «Амменем(н)есе»/Аменмессу и Туорисе/Таусерт в их соотнесении с владычеством прокаженных и гиксосов, как и о том, что «Сетос (который) и Рамессес», был основателем новой династии и основоположником нового исторического цикла. Однако, во-первых, как раз для Флавия, интересовавшегося в труде Манефона прежде всего сведениями (с его точки зрения, ложными) о происхождении евреев, такие нюансы как раз не имели никакого значения. Во-вторых, весьма показательно то, как время, предшествующее воцарению Сетнахта, охарактеризовано в «Большом папирусе Харрис»: очевидно, что, никак не упоминая последних представителей XIX династии, его составители вовсе не преследуют цели оспорить сам факт их царствований – они просто представляют дело так, что он не имеет особого значения на фоне реального господства в Египте злокозненных внешних сил, с которыми и справился Сетнахт. В случае если каким-то сходным образом дело было представлено и у Манефона (т.е. в рассказе о владычестве в Египте прокаженных и гиксосов формальное нахождение у власти египетских царей было представлено фактом, не имеющим особого значения), можно понять, что именно эти сведения не были удержаны Флавием.

Некоторому размыванию «грюндерского» ореола «Сетоса (который) и Рамессес», могло содействовать и то, что в цикле третьего тома Манефона, очевидно, есть и еще один «грюндер» – исторический Шешонк I, известный как Сесонхис в передаче Африкана, согласно Синкеллу (Frg. 60.1: Σεσώγχις), и как Сесонхосис – в передаче Евсевия, согласно Синкеллу (Frg. 61a.1: Σεσώγχοσις) и армянской версии (Frg. 61b.1: Sesonchosis). По мнению А.И. Иванчика, ливийско-египетскому

⁴⁷ Safronov 2008, 115.

имени «Шешонк» (*Ššnq*)⁴⁸ более аутентична форма имени Σεσωύχις, в то время как именование этого царя Σεσωύχοσις – «результат ошибки Евсевия»⁴⁹. В самом деле, по однозначному указанию всех христианских изводов списка Манефона последний обозначал именем «Сесонхосис» (безусловно, также производным от «Шешонк») исторического Сенусерта I (см. выше). Вместе с тем именно эта форма является и более значимой в греко-египетской и в целом в античной традиции, употребляясь в сообщении Дикеарха Мессенского о древнейшем египетском царе – завоевателе и устроителе (см. выше), в «Романе об Александре» (Hist. Alex. Magni, A. I.34; и др.) и в позднеантичном так называемом «Романе о Сесонхосисе»⁵⁰. Будучи египтянином и зная подлинные египетские царские списки, Манефон должен был прекрасно сознавать, что в реальности имена Сенусерта I и Шешонка I не совпадали и что форма имени «Сесонхосис» является производной не от первого из них, но от второго. В таком случае, относя форму имени «Сесонхосис» именно к Сенусерту I, он явно ориентировался не на их сходство, а на иные соображения – скорее всего, на ассоциацию имени «Сесонхосис» с ролью устроителя египетского общества, укоренившуюся к его времени в греческой традиции (об этом мы можем судить по сообщению Дикеарха Мессенского). На этом основании Манефон перенес данное имя на того египетского царя, которому, как он знал достоверно, эта роль принадлежала в реальности – на Сенусерта I; форму «Сесонхис» он мог сформировать сам как обозначение исторического Шешонка I, которое имело бы одну основу с именем «Сесонхосис», но вместе с тем и явственно от него отличалось, предотвращая тем самым смешение этих двух царей (по полной аналогии с отмеченными выше его манипуляциями с именами царей XVIII династии). При этом если Африкан добросовестно воспроизвел форму имен, установленную для Сенусерта I и Шешонка I Манефоном, то Евсевий, по-видимому, не придавал значения разнице между ними и перенес на Шешонка I то именование, которое в античной традиции было более известно.

О значимости реминисценций деятельности Шешонка I свидетельствуют, по-видимому, сообщения о царе Сесоосисе (Σεσόωσις) в I книге «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского, в целом восходящей к раннеэллинистическому описанию Египта Гекатея Абдерского⁵¹. Сведения Гекатея и Диодора об этом царе как о великом завоевателе в принципе аналогичны свидетельствам Геродота о Сесострисе, хотя и не повторяют их буквально, отличаются от них в ряде деталей и явно используют иные, чем у Геродота, собственно египетские первоисточники⁵²; однако сведения о создании Сесоосисом профессионального военного сословия, наделенного землей и с ядром из воспитанных вместе с ним его сверстников (Diod. I. 54. 4–6) вызывают вполне определенные ассоциации с военным харак-

⁴⁸ Beckerath 1999, 184.

⁴⁹ Ivantchik 1999, 20; 2005, 206.

⁵⁰ См. теперь: Trnka-Amrhein 2013.

⁵¹ См. Schwartz 1885; Schwartz 1905; Jacoby 1912; Murray 1970, 144–150; Burstein 1992; Dillery 1998, 256, n. 4; Stephens 2003, 32, n. 35; Gozzoli 2006, 193–194; см. альтернативное мнение: Burton 1972; его критику: Lloyd 1974; Murray 1975.

⁵² Ivantchik 1999, 16–17; 2005, 202–203. В реминисценциях о самом Шешонке I аспект великого завоевателя был, разумеется, связан с его кампанией 920-х годов до н.э. в Палестине (Redford 1992, 312–315); о контаминации данного аспекта с характерным для античной традиции образом великого египетского царя-завоевателя, проявившимся, в частности, в сведениях Геродота о Сесострисе, см. Ladynin 2015a.

тером ливийской государственности Египта I тыс. до н.э.⁵³ Показательно и положение Сесоосиса в известной Гекатею и Диодору последовательности египетских царей – после «фиванского» цикла египетской истории, в целом соответствующего историческому II тыс. до н.э. (Diod. I. 45. 4; ср. id. 47–48 – о гробнице Осимандия, т.е. исторического Рамсеса II с «солнечным» именем *Wsr-m³t-Rʿ stp.n-Rʿ*)⁵⁴ и перед линией преемников, завершающейся Амасисом (Diod. I. 60), т.е. на месте, более или менее соответствующем в реальной истории Египта началу Позднего времени. В таком случае именно свидетельства этой традиции подтверждают наше предположение о наделении Шешонка I качествами «грюндера» исторического цикла, соответствующего третьему томосу труда Манефона, а также царя, при котором страна пережила едва ли не максимальный на протяжении данного цикла взлет. Трудно представить (хотя и невозможно в точном смысле слова доказать противное), что такое восприятие этого царствования было бы проигнорировано в труде Манефона. Кроме того, очевидно, именно на основе такого его восприятия в античной традиции (в частности, в упоминавшемся сообщении Дикеарха Мессенского) укоренилась прочная ассоциация формы имени «Сесонхосис» с образом великого египетского царя – завоевателя и устроителя, при серьезном акценте именно на последнем его качестве (как мы видели, в труде Манефона она оказалась в перенесении этой формы имени на Сенусерта I).

«Надлом» в развитии Египта в историческом цикле третьего томоса Манефона приходится, по-видимому, на царствование Бокхориса (Manetho. Frgg. 64, 65a: Βόχχωρις; frg. 65b: Bocchoris): согласно царскому списку Манефона, именно при этом царе, единственном в XXIV саисской династии, «заговорил ягненок» (frgg. 64–65; ср. Ael. De nat. anim. XII.3; Ps.Plut. De prov. Alex., ed. Crusius, p. 12, 21), причем в поврежденном фрагменте Африкана рядом с этим сообщением мы видим цифру «990 лет» (frg. 64: Βόχχωρις Σαῖτης, ἔτη ς', ἐφ' οὗ ἀρνίον ἐφθέγξατο . . . ἔτη ἹΌῸ). Данное сообщение Манефона коррелируется с известным демотическим текстом «Пророчества ягненка»⁵⁵, согласно которому явившийся при Бокхорисе ягненок возвестил грядущие бедствия Египта, связанные с приходом «мидян» (бесспорно, персов), и их будущее преодоление «по завершении 900 лет» (очевидно, по завершении исторического цикла, включающего время Бокхориса и начавшегося до него)⁵⁶. По-видимому, этот эпизод в структуре третьего цикла египетской истории у Манефона аналогичен явлению мудреца при дворе Снофру в рамках первого цикла, согласно «Пророчеству Неферти»; а сам «надлом», пережитый египетской государственностью после Бокхориса (при эфиопском завоевании, во время которого Бокхорис был сожжен заживо Сабаканом/Шабаккой: frgg. 66–67)⁵⁷, был воспринят как нечто фатальное, от чего Египет не смог оправиться ни при

⁵³ Ladynin 2015b.

⁵⁴ Beckerath 1999, 154–155; Burton 1972, 148.

⁵⁵ Zauzich 1983; Thissen 2002.

⁵⁶ Обратим внимание, что в царском списке Туринского папируса продолжительность царствований династий III тыс. до н.э. суммируется немногим меньшей цифрой в 955 лет, 9 месяцев и 15 дней (см. выше); видимо, срок такого порядка казался египтянам более или менее «стандартной» протяженностью большого исторического цикла, какие отражаются в томосах труда Манефона.

⁵⁷ Сама насильственная гибель легитимного царя Египта есть событие совершенно исключительное; по сути дела, нам известны только два других примера того же рода – зафиксированное тем же Манефоном убийство Отоеса/Тети собственной охраной (см. выше; кстати, в структуре первого цикла египетской истории это тоже предвестие разразившейся

саисской династии, за которой последовало вторжение Камбиса, ни при последних трех египетских династиях IV в. до н.э., не сумевших предотвратить нашествие на Египет Артаксеркса III. Как хорошо видно по «Пророчеству ягненка», именно чужеземные завоевания, в особенности персидское, были восприняты египтянами как тотальная катастрофа, с которой был связан конец третьего цикла их истории.

Считается, что XXXI династия, включающая последних персидских царей кануна завоевания Египта Александром, была интерполирована в царскую последовательность Манефона на уровне эпитомы его труда, воспринятой христианскими хронографами⁵⁸. В таком случае его третий томос и соответствующий ему цикл египетской истории должен был завершаться на последнем царе XXX династии Нектанебе II (Manetho. Fragg. 74a-c). Прямое подтверждение этому мы найдем в выведении суммы царствований истории Манефона в одном из начальных фрагментов согласно Синкеллу от «Местраима» (явным образом Менеса, имени которого придан эпонимный характер уподоблением древнееврейскому обозначению Египта: ср. fragg. 1–2) и именно до Нектанеба (frg. 6: ἀπὸ Μεστράϊμ... ἕως Νεκτανάβω). Далее начиналось второе персидское владычество, которое оказалось последним эпизодом растянувшейся во времени финальной катастрофы исторического цикла третьего томоса⁵⁹; а за ним должно было последовать пришествие царя-избавителя. Вспомним еще раз, что по логике конструкта, «состыковывающего» в схеме Манефона большие исторические циклы, фигура царя-избавителя должна завершать, а не начинать цикл египетской истории, а за ней должна появляться фигура царя-«грюндера» нового цикла. В таком случае Александр Македонский, занявший Египет в 332 г. до н.э., должен был быть неупомнутой Манефоном финальной фигурой его третьего томоса, а его преемник (надо думать, сатрап, а затем царь Египта Птолемей) – «грюндером» нового исторического цикла, в котором протекала и жизнь самого Манефона. Фрагменты его труда не содержат никаких следов этого построения; однако возможно, что оно проявилось в «Пророчестве ягненка»⁶⁰ и в так называемой «Демотической хронике» (появившем в эллинистическое время сборнике речений, относившихся к уже минувшим на время его создания царствованиям XXVIII–XXX династий и начала эллинизма⁶¹). В идеальном соответствии конструкту «отец и сын» финал третьего цикла истории Египта обнаруживается в новеллистической версии позднеантичного «Романа об Александре», в его части, восходящей к египетскому прототипу III в. до н.э.: согласно этой версии, катастрофа чужеземного завоевания (исторического второго персидского владычества 343–332 гг. до н.э.) обрушивается на Египет при царе Нектанебе (историческом Нектанебе II) и прекращается усилиями Александра, представленного его сыном и фактически воплощающего в себе отца (по-видимому, таким образом исполняется «требование» данной конструкции, чтобы бедствия конца исторического цикла избывались усилиями завершающего его правителя⁶²). Наконец, нельзя не упомянуть так называемый «Оракул горшечника» – грекоязычный текст, видимо, второй половины птолемеевского времени, в котором еще не окончившейся эпохой бедствий

затем в его финале катастрофы) и гибель Априя, о деталях которой египетская историческая традиция предпочитала вовсе умалчивать; см.: Ladynin 2006, 89.

⁵⁸ Redford 1986, 331; Lloyd 1988, 154–160; Beckerath 1997, 35; Gozzoli 2006, 193, n. 12.

⁵⁹ См. об остро негативном восприятии египтянами этого периода: Schwartz 1949, p. 69–70; Ladynin 2013, 30–31.

⁶⁰ Ladynin 2010.

⁶¹ См. с отсылками к литературе: Ladynin 2009, 167, 177–178, прим. 14.

⁶² См. подробно: Vassilieva, Ladynin 2012, 7–8, 10

конца третьего цикла египетской истории представлено собственно македонское владычество в Египте⁶³. Любопытно, что сама циклическая схема египетской истории (наиболее детально реконструируемая на основе традиции Манефона, но, без сомнения, свойственная позднеегипетской историографии в целом) стала применительно к финалу исторического цикла I тыс. до н.э., по сути дела, рамкой, которая, в зависимости от идейной направленности того или иного пропагандистского произведения и от особенностей его аудитории, могла заполняться довольно разным конкретным содержанием. Вместе с тем это позволяет сказать, что данная схема не является созданием Манефона, а в целом характерна для упорядочения египтянами событий их истории (причем, по-видимому, как показывает появление конструкта «отец и сын» еще в «Поучении царю Мерикара», не только в Позднее время).

В заключение нашего обзора концепции циклов египетской истории сделаем еще одно замечание о ее тенденции, прослеживающейся как в версии Манефона, вполне лояльной к Птолемам, так и в ее «антимакедонском» изводе «Оракула горшечника». Мы видели, что тотальное крушение *маат* в конце второго и третьего исторических циклов связывалось в труде Манефона с наступлением в Египте владычества чужеземцев. Степень сохранности свидетельств Манефона о финале первого исторического цикла не позволяет сказать, в какой мере этот фактор признавался египетским историком действенным для этого периода: показательно, однако, что об инфильтрации чужеземцев как о важном симптоме бедствий Египта говорят описывающие I Переходный период египетские тексты⁶⁴. Подобная тенденция этой исторической концепции включает в себя косвенным образом и предостережение против вовлечения Египта в активные контакты с окружающим миром: по-видимому, для Манефона и тем более для антимакедонской оппозиции естественным состоянием Египта представлялась его замкнутость в собственных границах, причем именно поддержание их нерушимости, а не преходящая экспансия вовне считалось наиболее насущной задачей его внешней политики⁶⁵. В начале птолемеевского времени, когда и протекала деятельность Манефона, такая «изоляционистская» концепция могла быть полезным обоснованием правомерности отделения владений Птолемеев от мировой державы Александра и последовавшей за этим конфронтации с Селевкидами; однако на этапе создания «Оракула горшечника» ее идейное содержание обратилось против самого македонского присутствия в Египте.

Литература / References

- Banshchikova, A.A. 2010: *Perelomnye epokhi v istoricheskoy traditsii i soznanii drevnikh egiptyan (po istochnikam kontsa II tys. do n.e. – I tys. n.e.). Avtoreferat diss.... k.i.n.* [Crucial Periods in Ancient Egyptian Tradition and Historical Consciousness (From the Sources of the late 2nd and the 1st Millennia B.C.). Abstract of the Ph.D. thesis in History]. Moscow.
- Банщикова, А.А. *Переломные эпохи в исторической традиции и сознании древних египтян (по источникам конца II тыс. до н.э. – I тыс. н.э.).* Автореферат дисс. к.и.н. М.
- Beckerath, J. von. 1997: *Chronologie des pharaonischen Ägypten. Die Zeitbestimmung der ägyptischen Geschichte von der Vorzeit bis 332 v. Chr.* (Münchner ägyptologische Studien, 46). Mainz.

⁶³ Koenen 1968; 2003.

⁶⁴ См. «Пророчество Неферти» (pEgm. 1116B. 32–33, 66–67) и «Речение Ипувера» (в соответствии с отсылками к фрагментам источника в: Ilin-Tomich, Safronov 2010, 17–18).

⁶⁵ См. также: Banshchikova 2010, 16–19.

- Beckerath, J. von. 1999: *Handbuch der ägyptischen Königsnamen*. 2. Aufl. (Münchener ägyptologische Studien, 49). Mainz.
- Berlev, O.D. 1972: *Trudovoe naselenie Egipta epokhi Srednego tsarstva* [*Labour Population in the Middle Kingdom Egypt*]. Moscow.
- Берлев, О.Д. *Трудовое население Египта эпохи Среднего царства*. М.
- Berlev, O.D. 1984: *Drevneyshee opisanie sotsial'noy organizatsii Egipta* [The Most Ancient Description of the Ancient Egyptian Social Organization]. In: M.A. Dandamaev (ed.), *Problemy sotsial'nykh otnosheniy i form zavisimosti na drevnem Vostoke* [*The Problems of Social Relations and of the Forms of Dependence at Ancient Orient*]. Moscow, 26–34.
- Берлев, О.Д. Древнейшее описание социальной организации Египта. В кн.: М.А. Дандамаев (ред.). *Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке*. М., 26–34.
- Bolshakov, A.O. 2001: *Chelovek i ego Dvoynik. Izobrazitel'nost' i mirovozzrenie v Egipte Starogo tsarstva* [*Man and His Double: Artistic Representation and Mentality in the Old Kingdom Egypt*]. St. Petersburg.
- Большаков, А.О. *Человек и его Двойник. Изобразительность и мировоззрение в Египте Старого царства*. СПб.
- Bolshakov, A.O. 2009: «*Prekrasnaya prishla*». *Shedevry portreta iz Egipetskogo muzeya v Berline. Katalog vystavki* [“*The Beautiful has come*”: *Chefs d'oeuvre of Portrait from the Egyptian Museum at Berlin. Catalogue of the Exhibition*]. St. Petersburg.
- Большаков, А.О. «*Прекрасная пришла*». *Шедевры портрета из Египетского музея в Берлине. Каталог выставки*. СПб.
- Blumenthal, E. 1970: *Untersuchungen zum ägyptischen Königtum des Mittleren Reiches I. Die Phraseologie* (Abhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, Philologisch-historische Klasse, 61/1). Berlin
- Burstein, S. 1992: Hecataeus of Abdera's History of Egypt. In J.H. Johnson (ed.), *Life in a Multi-Cultural Society: Egypt from Cambyses to Constantine and Beyond* (Studies in the Ancient Oriental Civilisations, 51). Chicago, 45–49
- Burstein, S.M. 1996: Images of Egypt in Greek Historiography. In: A. Loprieno (ed.), *Ancient Egyptian Literature: History and Forms* (Probleme der Ägyptologie, 10). Leiden–New York–Köln, 591–604.
- Burton, A. 1972: *Diodorus Siculus. Book I. A Commentary* (Études préliminaires des religions orientales, 29). Leiden.
- Demidchik, A.E. 2005: *Bezmyannaya piramida. Gosudarstvennaya doktrina drevneegipetskoy Gerakleopol'skoy monarkhii* (Aegyptiaca, I) [*A Nameless Pyramid: The State Doctrine of the Ancient Egyptian Heracleopolitan Monarchy* (Aegyptiaca, I)]. St. Petersburg.
- Демидчик, А.Е. *Безымянная пирамида. Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии* (Aegyptiaca, I). СПб.
- Demidchik, A.E. 2007: Domennye vladeniya drevneegipetskoy gerakleopol'skoy monarkhii [Domain of the Heracleopolitan Monarchy in Ancient Egypt]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 3–18.
- Демидчик, А.Е. Доменные владения древнеегипетской гераклеопольской монархии. *ВДИ* 2, 3–18.
- Dillery, J. 1998: Hecataeus of Abdera: Hyperboreans, Egypt and *interpretatio Graeca*. *Historia* 47, 255–275.
- Gozzoli, R.B. 2006: *The Writing of History in Ancient Egypt during the First Millenium B.C. (ca. 1070–180 BC). Trends and Perspectives* (Golden House Publications Egyptology; 5). London.
- Helck, W. 1969: *Der Text der “Lehre Amenemhets I. für seinen Sohn”* (Kleine Ägyptische Texte). Wiesbaden.
- Hölbl, G. 2001: *A History of the Ptolemaic Empire*. London–New York.
- Hornung, E., Krauss, R., Warburton, D. (eds) 2006: *Ancient Egyptian Chronology*. (Handbook of Oriental Studies. Section One: The Near and Middle East, 83). Leiden.
- Ilin-Tomich, A.A., Safronov, A.V. 2010: Datirovka i vozmozhnyy istoricheskiy kontekst «Recheniya Ipuvera» [Dating and Historical Circumstances of the Admonitions of Ipuwer]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 3–22.
- Ильин-Томич, А.А., Сафронов, А.В. Датировка и возможный исторический контекст «Речения Ипувера». *ВДИ* 4, 3–22.
- Istoriya drevnego Vostoka 1988: *Istoriya drevnego Vostoka. Zarozhdenie drevneyshikh klassovykh obshchestv i pervye ochagi rabovladel'cheskoy tsivilizatsii*. Ch. 2. *Perednyaya Aziya, Egipet* [*The History of Ancient Orient: Genesis of the Earliest Stratified Societies and the First Centers of the Slave-owning Civilization*. Pt. 2: *Western Asia, Egypt*]. G.M. Bongard-Levin (ed.). Moscow.

История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2. Передняя Азия, Египет. Г.М. Бонгард-Левин (ред.). М.

Ivantchik, A.I. 1999: Antichnaya traditsiya o faraone Sesostrise i ego voyne so skifami [The Ancient Tradition about Pharaoh Sesostris and his War with the Scythians]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 44–36.

Иванчик, А.И. Античная традиция о фараоне Сесострисе и его войне со скифами. *ВДИ* 4, 4–36.

Ivantchik, A.I. 2005: *Nakanune kolonizatsii: Severnoe Prichernomor'e i stepnye kochevniki VIII–VII vv. do n.e. v antichnoy literaturnoy traditsii: fol'klor, literatura i istoriya* (Pontus septentrionalis, 3). [On the Eve of Colonization: The North Black Sea Area and the Nomads of the Steppes in the 8th–7th centuries B.C. in the Classical Narratives: Folklore, Fiction and History. (Pontus septentrionalis, 3)]. Moscow–Berlin.

Иванчик, А.И. Накануне колонизации: Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история (Pontus septentrionalis, 3). Москва–Берлин.

Jacoby, F. 1912: Hekataios aus Abdera. In: *RE* 7, 2750–2769.

Koenen, L. 1968: Prophezeiung des Töpfers. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 2, 178–209.

Koenen, L. 2002: Die Apologie des Töpfers an König Amenophis oder das Töpferorakel. In: A. Blasius, B.U. Schipper (Hrsg.), *Apokalyptik und Ägypten: Eine kritische Analyse der relevanten Texte aus dem griechisch-römischen Ägypten*. (Orientalia lovanensia analecta; 107). Leuven, 139–187.

Ladynin, I.A. 2002: «Nechestivyy pravitel'» v religiozno-ideologicheskoy traditsii drevnego Egipta II tys. do n.e. ['Impious Ruler' in the Religious and Ideological Tradition of Ancient Egypt in the 2nd Millennium B.C.]. In: *Kul'turnoe nasledie Egipta i khristianskiy Vostok (Materialy mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsiy)* [The Cultural Heritage of Egypt and the Christian Orient (Proceedings of International Scholarly Conferences)]. Moscow, 155–176.

Ладынин, И.А. «Нечестивый правитель» в религиозно-идеологической традиции древнего Египта II тыс. до н.э. В сб.: *Культурное наследие Египта и христианский Восток (Материалы международных научных конференций)*. М., 155–176.

Ladynin, I.A. 2006: Ideologicheskie aspekty mezhdousobitsy Amasisa i Apriya v 570–567 gg. do n.e. [The Ideological Aspects of the Strife between Amasis and Apries in 570–567 B.C.]. In: *Peterburgskie egiptologicheskie chteniya–2005. Tezisy dokladov* [St. Petersburg Egyptological Readings – 2005. Proceedings]. St. Petersburg, 88–108.

Ладынин, И.А. Идеологические аспекты междоусобицы Амасиса и Априя в 570–567 гг. до н.э. В сб.: *Петербургские египтологические чтения–2005. Тезисы докладов*. СПб., 88–108.

Ladynin, I.A. 2008: Problemy politicheskoy istorii i khronologii drevnego Egipta. Drevniy Egipet i okruzhayushchiy mir v zarubezhnoy i otechestvennoy istoriografii [Problems of the Political History and Chronology of Ancient Egypt. Ancient Egypt and the Lands Around it in the Light of Foreign Historiography]. In: V.I. Kuzishchin (ed.), *Istoriografiya istorii drevnego Vostoka. Ucheb. dlya vuzov* [The Historiography of the Ancient Orient: A Handbook] 1. Moscow, 122–202.

Ладынин, И.А. Проблемы политической истории и хронологии древнего Египта. Древний Египет и окружающий мир в зарубежной и отечественной историографии. В кн.: В.И. Кузищин (ред.), *Историография истории древнего Востока. Учеб. для вузов*. 1. М., 122–202.

Ladynin, I.A. 2009: Legenda o tsare Amenofise (Manetho, ed. W.G. Waddell, frg. 54, Chaeremon, FGrHist. 618. F. 1) i final vtorogo tomosa truda Manefona [The Story of the King Amenophis (Manetho, ed. Waddell, frg. 54, Chaeremon, FGrHist. 618. F. 1) and the Ending of Manetho's Second tomos]. In: *Peterburgskie egiptologicheskie chteniya 2007–2008: pamyati O.D. Berleva. K 75-letiyu so dnya ego rozhdeniya. Doklady* (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha; 45) [St. Petersburg Egyptological Readings 2007–2008: In Memoriam O.D. Berlev. Commemorating his 75th Birthday. Papers (Proceedings of the State Hermitage; 45)]. St. Petersburg, 164–180.

Ладынин, И.А. Легенда о царе Аменофисе (Manetho, ed. W.G. Waddell, frg. 54, Chaeremon, FGrHist. 618. F. 1) и финал второго тома труда Манефона. В сб.: *Петербургские египтологические чтения 2007–2008: памяти О.Д. Берлева. К 75-летию со дня его рождения. Доклады* (Труды Государственного Эрмитажа; 45). СПб., 164–180.

Ladynin, I.A. 2010: «Otplatyat za naosy bogov Ninevii, v strane Iš'r...»: Ob iskhode bedstviy Egipta v «Orakule yagnenka» ['Will It Be Paid for the Naoi of Gods to Ninevia, in the Land of Iš'r': On the Outcome of Egypt's Sufferings in the Lamb's Oracle]. In: *Vostok, Evropa, Amerika v drevnosti. Sbornik nauchnykh trudov XVI Sergeevskikh chteniy* [Orient, Europe and America in Antiquity: Proceedings of the 16th Sergeev's Readings]. Moscow, 55–67.

- Ладынин, И.А. «Отплатят за наосы богов Ниневии, в стране 'Is'ra ...»: Об исходе бедствий Египта в «Оракуле ягненка». В сб.: *Восток, Европа, Америка в древности. Сборник научных трудов XVI Сергеевских чтений*. М., 55–67.
- Ladynin, I.A. 2012: «Stely Sesostrisa»: Topos antichnoy istoriografii i drevneegipetskie realii [“The Sesostris’ Stelae”: A Topos of the Classical Historiography and the Ancient Egyptian Actualities]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 3–15.
- Ладынин, И.А. «Стелы Сесостриса»: Топос античной историографии и древнеегипетские реалии. *ВДИ* 1, 3–15.
- Ladynin, I.A. 2013: Svedeniya Psevdo-Aristotelevoy «Ekonomiki» o Kleomene iz Navkratisa i toposy drevneegipetskoй propagandy [Cleomenes of Naucratis in the Pseudo-Aristotle’ *Oeconomica* and the Topoi of Ancient Egyptian Propaganda]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 18–40.
- Ладынин, И.А. Сведения Псевдо-Аристотелевой «Экономики» о Клеомене из Навкратиса и то-посы древнеегипетской пропаганды. *ВДИ* 2, 18–40.
- Ladynin, I.A. 2014: Svedeniya Dikearkha Messenskogo o velikom egipetskom tsare – ustroitele i zavoevatele [Evidence of Dicaearchus of Messana on the Great Egyptian King – Founder and Warrior]. *Aristey* [Aristeas] 9, 21–57.
- Ладынин, И.А. Сведения Дикеарха Мессенского о великом египетском царе – устроителе и за-воевателе. *Аристей* 9, 21–57.
- Ladynin, I.A. 2015a: «Zavoevatel' Sesonkhosis»: Voyny Sheshonka I v Azii i ikh veroyatnoe otrazhenie v antichnoy traditsii o velikom egipetskom tsare-zavoevatele [“Sesonchosis-the-Conqueror”: The Wars of Shoshenq I at Asia and Their Reflection in the Classical Tradition on the Great King-Conqueror]. In: *Vostok, Evropa, Amerika v drevnosti. Vypusk 3: Trudy XVIII Sergeevskikh chteniy* [Orient, Europe and America in Antiquity. Issue 3: Proceedings of the 18th Sergeev’s Readings]. Moscow, 49–57.
- Ладынин, И.А. «Завоеватель Сесонхосис»: Войны Шешонка I в Азии и их вероятное отражение в античной традиции о великом египетском царе-завоевателе. В сб.: *Восток, Европа, Америка в древности. Выпуск 3: Труды XVIII Сергеевских чтений*. М., 49–57.
- Ladynin, I.A. 2015b: Reministsentsii liviyskoy gosudarstvennosti Egipta pervoy poloviny I tys. do n.e. v svedeniyakh Gekateya Abderskogo i Diodora Sitsiliyskogo o tsare Sesoosise [The Reminiscences of the Lybian State-system in Egypt of the First Half of the First Millennium B.C. According to the Evidence of Hecataeus of Abdera and Diodorus of Sicily on the King Sesoosis]. In: *Diodor Sitsiliyskiy i antichnaya istoriografiya. Sbornik trudov nauchnoy konferentsii* [Diodorus of Sicily and the Classical Historiography. Proceedings of the Scholarly Conference], (in print). Perm.
- Ладынин, И.А. Реминисценции ливийской государственности Египта первой половины I тыс. до н.э. в сведениях Гекатея Абдерского и Диодора Сицилийского о царе Сесоосисе. В сб.: *Диодор Сицилийский и античная историография. Сборник трудов научной конференции*. Пермь (в печати).
- Ladynin, I.A. 2015c: Zikly egipetskoй istorii i tri tomosa truda Manefona Sevennitskogo (I) [The Cycles of Egyptian History and the Three Tomoi of Menetho’s Aegyptiaka (I)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 8–21.
- Ладынин И.А. Циклы египетской истории и три тома труда Манефона Севеннитского (I). *ВДИ* 4, 8–21.
- Ladynin, I.A., Nemirovskiy, A.A. 2001: K evolyutsii vospriyatiya amarnskikh tsarey i Khoremkheba v ideologicheskoy i istoricheskoy traditsii drevnego Egipta [On the Evolution of the Attitude Towards the Amarna Kings and Horemheb in the Ideological and Historical Tradition of Ancient Egypt]. In: O.I. Pavlova, A.A. Nemirovskiy (eds), *Drevniy Vostok: Obshchnost' i svoeobrazie kul'turnykh traditsiy* [Ancient Orient: Unity and Diversity of Cultural Traditions]. Moscow, 80–99.
- Ладынин, И.А., Немировский, А.А. К эволюции восприятия амарнских царей и Хоремхеба в идеологической и исторической традиции древнего Египта. В кн.: О.И. Павлова, А.А. Немировский (ред.), *Древний Восток: Общность и своеобразие культурных традиций*. М., 80–99.
- Lloyd, A.B. 1974: Rev.: A. Burton, Diodorus Siculus: Book I. Leiden, 1972. *Journal of Egyptian Archaeology* 60, 287–289.
- Lloyd, A.B. 1988: *Manetho and the Thirty-first Dynasty. Pyramid Studies and other Essays presented to I.E.S. Edwards*. J. Baines et al. (eds) (EES Occasional Publications, 7). London, 154–160.
- Murnane, W.J. 1977: *Ancient Egyptian Coregencies* (Studies in Ancient Oriental Civilization, 40). Chicago.
- Murray, O. 1970: Hecataeus of Abdera and Pharaonic Kingship. *Journal of Egyptian Archaeology* 56, 141–171.
- Murray, O. 1975: Rev.: A. Burton, Diodorus Siculus: Book I. Leiden, 1972. *The Journal of Hellenic Studies* 95, 214–215.

- Nemirovskiy, A.A. 1999: Zapadnye vladeniya Kassitskoy Vavilonii v XV–XIV vv. do n.e. i arameyskoe (akhrameyskoe) pereselenie [The Western Dominions of Kassite Babylonia (XV–XIV cc. B.C.) and the Aramaean (Akhlamaean) Migration]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 146–163.
Немировский, А.А. Западные владения Касситской Вавилонии в XV–XIV вв. до н.э. и арамейское (ахламейское) переселение. *ВДИ* 1, 146–163.
- Nemirovskiy, A.A. 2001: Giksosy: k voprosam imenovaniya i proiskhozhdeniya [The Hyksos: Questions of the Name and the Origin]. In O.I. Pavlova, A.A. Nemirovskiy (eds), *Drevniy Vostok: Obshchnost' i svoeobrazie kul'turnykh traditsiy* [Ancient Orient: Unity and Diversity of Cultural Traditions]. Moscow, 100–138.
Немировский, А.А. Гиксосы: к вопросам именования и происхождения. О.И. Павлова, А.А. Немировский (ред.), *Древний Восток: Общность и своеобразие культурных традиций*. М., 100–138
- Perepyolkin, Yu.Ya. 2000: *Istoriya Drevnego Egipta* [The History of Ancient Egypt]. St. Petersburg.
Перепелкин, Ю.Я. *История Древнего Египта*. СПб.
- Redford, D.B. 1986: *Pharaonic Kings-Lists, Annals and Day-Books: A Contribution to the Study of the Egyptian Sense of History* (Society of the Studies of Egyptian Antiquities' Publications, 4). Missisauga.
- Redford, D.B. 1992: *Egypt, Canaan, and Israel in Ancient Times*. Princeton
- Redford, D.B. 1997: Textual Sources for the Hyksos Period. In: E.D. Oren (ed.), *The Hyksos: New Historical and Archaeological Perspectives* (University Museum Monographs; 96). Philadelphia, 1–44.
- Safronov, A.V. 2005: *Etnopoliticheskie protsessy v Vostochnom Sredizemnomor'e v kon. XIII – nach. XII vv. do n.e.* Avtoref.... k.i.n. [Ethnic and Political Processes in Eastern Mediterranean in the Late 13th – early 12th Centuries B.C. Abstract of the Ph.D. thesis in History]. Moscow.
Сафронов, А.В. *Этнополитические процессы в Восточном Средиземноморье в кон. XIII – нач. XII вв. до н.э.* Автореф.... к.и.н. М.
- Safronov, A.V. 2008: «Bezymyannyu» sanovnik kontsa XIX dinastii i novye tituly «velikogo nachal'nika kazny» Bai [A “Nameless Official” of the End of the Dynasty XIX and New Titles of “Great Chancellor” Bay]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 110–129.
Сафронов, А.В. «Безымянный» сановник конца XIX династии и новые титулы «великого начальника казны» Баи. *ВДИ* 3, 110–129.
- Schwartz, E. 1885: Hekataeos von Teos. *Rheinisches Museum* 40, 223–262.
- Schwartz, E. 1905: Diodoros (38). In: *RE* 5, 669–672.
- Schwartz, J. 1949: Les conquérants perses et la littérature égyptienne. *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale* 48, 65–80.
- Seidlmayer, S.-J. 1998: Epigraphische Bemerkungen zur Stele des Setnachte aus Elephantine. In: H. Guksch, D. Polz (Hrsg.), *Stationen, Beiträge zur Kulturgeschichte Ägyptens Rainer Stadelmann gewidmet*. Mainz, 363–386.
- Stephens, S.A. 2003: *Seeing Double: Intercultural Poetics in Ptolemaic Alexandria* (Hellenistic Culture and Society; 37). Berkeley–Los Angeles.
- Thissen, H.-J. Das Lamm des Bokchoris. In: A. Blasius, B.U. Schipper (Hrsg.), *Apokalyptik und Ägypten: Eine kritische Analyse der relevanten Texte aus dem griechisch-römischen Ägypten* (Orientalia lovanensia analecta; 107). Leuven, 113–138.
- Trnka-Amrhein, Y.K. 2013: *A Study of The Sesonchosis Novel*. Diss. Harvard. URL: <http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:11004912>.
- Turayev, B.A. 1935: *Istoriya drevnego Vostoka*. 1–2 [The History of Ancient Orient. 1–2]. Leningrad.
Тураев, Б.А. *История древнего Востока*. 1–2. Л.
- Vassilieva, O.A., Ladynin, I.A. 2012: «Volshebnik Nektaneb»: istoriko-khudozhestvennyy obraz i ego istoki [“Nectanebo the Magician”: An Image of Historical Fiction and Its Background]. In: *Drevniy Vostok i antichnyy mir: Sbornik nauchnykh trudov kafedry istorii drevnego mira istoricheskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova*. Vyp. 8 [Ancient Orient and the Classical World: Studies by the Members of the Department of Ancient History, the Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. Issue 8]. Moscow, 3–36.
Васильева, О.А., Ладынин, И.А. «Волшебник Нектанеб»: историко-художественный образ и его истоки. В сб.: *Древний Восток и античный мир: Сборник научных трудов кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*. Вып. 8. М., 3–36.
- Vernus, P. 1991: Ménès, Achtoès, l'hippopotame et le crocodile. Lecture structurale de l'historiographie égyptienne. In: U. Verhoeven, E. Graefe (Hrsg.), *Religion und Philosophie im Alten Ägypten. Festgabe für Philippe Derchain zu seinem 65. Geburtstag am 24. Juli 1991* (Orientalia Lovaniensia Analecta, 39). Leuven, 331–340.
- Zauzich, K.-Th. 1983: Das Lamm des Bokchoris. In: *Papyrus Erzherzog Rainer (P. Rainer Cent.): Festschrift zum 100-jährigen Bestehen der Papyrussammlung der Österreichischen Nationalbibliothek*, 165–174. Wien.

Сокращения / Abbreviations

Hist. Alex. Magni
Manetho	– Kroll, W. <i>Historia Alexandri Magni</i> . Berlin, 1926
– <i>Manetho</i> . With an English translation by W.G. Waddell (Loeb Classical Library, 350). Cambridge (Mass.)–London, 1980
pChester Beatty IV	– Gardiner, A.H. <i>Hieratic papyri in the British Museum. Third series: Chester Beatty Gift</i> . London, 1935. Vol. 1. Pl. 28–44. Vol. 2. Pl. 14–15, 15A, 20, 20A, 21
pErm. 1116A	– Golénischeff, W.S. <i>Les papyrus hiératiques nos. 1115, 1116A et B de l'Ermitage impérial à St. Petersbourg</i> . Saint-Pétersbourg, 1913. Pl. 9–14, A–C («Поучение царю Мерикара»)
pErm. 1116B	– Golénischeff, W.S. <i>Les papyrus hiératiques nos. 1115, 1116A et B de l'Ermitage impérial à St. Petersbourg</i> . Saint-Pétersbourg, 1913. Pl. 23–25 («Пророчество Неферти»)
pHarris I	– Erichsen, W. <i>Papyrus Harris I: Hieroglyphische Transkription</i> (Bibliotheca Aegyptiaca; 5). Bruxelles, 1933
pMillingen	– Helck, W. <i>Der Text der "Lehre Amenemhets I. für seinen Sohn"</i> (Kleine Ägyptische Texte). Wiesbaden, 1969 («Поучение Аменемхета I своему сыну Сенусерту I»)
pWestcar	– Blackman, A.M. <i>The Story of King Kheops and the Magicians, Transcribed from Papyrus Westcar (Berlin Papyrus 3033)</i> . Reading, 1988 (сказки папируса Весткар)
Urk. IV	– Sethe, K. <i>Urkunden der 18. Dynastie</i> . Leipzig, 1906–1909. Bd. 1–4, Ht. 1–16; Helck, W. <i>Urkunden der 18. Dynastie</i> (Urkunden des ägyptischen Altertums, 4). Ht. 17–22. Berlin, 1956–1961
Wb.	– Erman, A., Grapow, H. <i>Wörterbuch der ägyptischen Sprache</i> . Neudruck. Bd. I–V. Berlin, 1955